

Н. М. Мышьякова¹

КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

1. Известно, что культурологи не одобряют употребление слова «культура» в единственном числе. Однако в современной социокультурной ситуации национальная сплоченность все чаще приобретает угрожающий характер, а культура — в буквальном смысле то *единственное*, что идентифицируется как спасительная ценность. Темы национального единства, этнической, национальной ментальности, культурного многообразия обладают предметной агрессией, постоянно оказываясь лейтмотивом философских, культурологических, лингвистических и многих иных исследований. Помнить о своих истоках, дорожить национальными корнями, гордиться принадлежностью к той или иной национальной культуре — нет смысла оспаривать или доказывать ценность этих глубоких культурных традиций, общих для разных национальных культур. В различных дискурсивных практиках проблемы националь-

ного единства и культурного многообразия, единства в разнообразии и разнообразия в единстве, культурной идентичности, межкультурного диалога, кросскультурной коммуникации и тому подобного каждый раз обретали новые смыслы и интерпретационные нюансы. Проблема национального единства и культурного многообразия, как любая гуманитарная и социальная проблема, обладает двойственностью: она «проста» и одновременно практически неразрешима.

2. Множественность трактовок процессов глобализации и локализации культур позволяет предположить наличие формулировки, противоположной заявленному названию секции — *Культурное единство и национальное многообразие*. Идеи наличия «культурного гена», культуры, выполняющей по отношению к человеку функцию природы, культуры как родового начала человечества, идеи космополитизма — старые и дорогие сердцу человека идеи. Идентификация *своего* и *чужого*, как правило, происходит на базе культурной идентификации. Культура локализуется в культурной норме, уровне, осознается как узнаваемая общность, становится культурным отечеством, *домом человеческого*.

¹ Заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор искусствоведения, профессор. Автор 54 научных публикаций, в т. ч.: «Идеальный мир» поэзии А. Фета», «Изобразительный мир поэзии А. Фета», «Проблемы поэтики А. А. Фета», «Русская культура XIX века: литературно-музыкальные взаимодействия», «Художественная культура Средних веков» и др.

3. Особое место в этой *культурной родине* принадлежит вербальной культуре. Содержание и специфика ментального ядра культуры могут быть изучены двояким образом: на бытийном, эмпирическом уровне, на котором предметом исследования являются многообразные факты и проявления индивидуальной и социальной жизни (быт, обычаи, стандарты поведения и т. п.), и на уровне самосознания, на котором бытийность культуры явлена в вербализованной форме — в языке и речи. Очевидно, что на уровне самосознания культура откровеннее демонстрирует свои аксиологические и антропологические ресурсы национально-культурной идентичности. Именно тексты являются формой самосознания, самопознания и самовыражения сущности культуры в целом и отдельного конкретно-исторического человека. В языке, в персонифицированных духовных символах тексты фиксируют и сохраняют генотип духовности народа. Желание современной культуры ощутить себя большим текстом очевидно.

Культурология отмечает две характерные и взаимодополняющие тенденции: 1) тотальная *текстуализация культуры*, экстраполирование текста на невербальные структуры и 2) *онтологизация языковых структур*. Мир, его содержательная характерологичность оказываются обусловленными свойствами языка и вклю-

ченными в выразительный языковой ресурс. Культура России, как известно, не представляет собой внешне фиксируемого единства, в ней слабо представлено формообразующее начало. В связи с этим значимость зафиксированных, вербализованных текстов культуры возрастает. Лингвистика текста позволяет сделать эксплицитным знание, о котором не говорят и не думают, тем самым расширяя сферу коннотативной семантики. Слово является наиболее сжатой вербализацией интуитивного опыта, речевым сгустком интуитивного познания. Концептуализируемые переживания в буквальном смысле *говорят*.

4. Еще более сужая проблему, можно выделить внутри вербализованного текста культуры художественный текст как его идеальную модель. Именно художественному тексту как отобранному, концептуальному, искусственно созданному — неслучайному — культура делегирует свою *различающую и повторяющую* миссию. Постижение символических смыслов текста — центр гуманитарного, антропного в гуманитарном знании. В художественном тексте есть то, что, описывая символ, С. С. Аверинцев назвал «теплотой сплывающей тайны», — некий тайный знак, по которому человек может узнать в чужом *своего*, то, что обяжет его подчиниться *родству* как *культурной норме*.